

Социология в регионе: это как?¹

В статье рассматриваются стратегии становления и перспективы функционирования региональных социологических школ в России. Показана трансформация советских принципов организации науки в постсоветские, отличие условий функционирования науки в 90-е и "нулевые" годы. На основании критериев открытости и закрытости, специфики финансирования и особенностей методологического поиска выстраивается типология этих школ. В качестве материала, на котором демонстрируется эвристичность теоретических рассуждений, выступает становление научной школы в городе Хабаровске.

Ключевые слова: социология, научная школа, региональные центры, открытое и закрытое сообщество, методологические поиски.

Леонид Бляхер

доктор философских наук,
профессор Тихоокеанского
государственного университета,
заведующий кафедрой философии (Хабаровск).

Новые региональные центры², особенно, в сфере социологии в России — явление парадоксальное. Их оформление в последние десятилетия напрямую связано с острейшим желанием большей части ученых и самих научных организаций не допустить этого оформления и его институционализации. Этого не желала "столичная" наука³, для которой наука региональная была лишь отраженным (или искаженным) светом ее собственных изысканий. Этого не хотела и наука региональная⁴, "классики" которой и становились таковыми в силу их вхожести в столичные (столица понималась по-разному) клубы, участия в столичных дискуссиях, обучения в столичных аспирантурах. К этому совершенно не стремилась наука мировая. В том случае, если замечала эти центры. Но логика социальных процессов в этой сфере оказалась сильнее, чем желания участников, а институциональные характеристики науки оказывались сильнее интенций коллективного субъекта. Региональные центры, обладающие внутренней динамикой, собственными задачами и специфическими механизмами взаимодействия с внешним окружением, возникли. Об одном из таких центров, сложившихся в Тихоокеанском государственном университете (Хабаровск), и пойдет речь далее. Впрочем, начнем по порядку.

В советский период контингент региональных (провинциальных) центров формировался за счет внешнего притока, как "выселки" тех или иных столичных школ. Иногда "выселки выселок". Часто "выселки" были совсем не добровольными. Сталинские ссылки, борьба с безродными космополитами, да и "Брежнев вон из Праги" обогатили провинцию целым рядом ярких и активных исследователей. Особенно богатыми здесь были "приобретения" Сибири и Средней Азии. Впрочем, в более вегетарианские времена, "выселки" возникали уже вполне добровольно. Скажем, сложившаяся в Новосибирске школа экономической социологии создавалась "выходцами" из МГУ в 60-е годы XX века. Позже она сама становится центром для значительного числа провинциальных вузов и НИИ. При этом живительная связь с "материнской" школой и традицией в советские годы сохранялась. Впрочем, "материнская" школа редко доминировала абсолютно, а "выселки" формировались только одним центром. Не менее существенным было здесь "курирование" центральным вузом или НИИ провинциального. Такое курирование включало в себя множество элементов, часто не оформленных сколько-нибудь публично и официально, но

оттого не менее понятных для всех участников.

В "материнскую" школу, курирующую провинциальный центр, отбывали провинциалы для обретения кандидатского и докторского статусов. Из нее рекрутировались новые научные и педагогические кадры. Кому-то удавалось выбраться из провинции. Но выбирались они именно туда, где настоящая наука, настоящие наставники. Словом, в свою же AlmaMater. Памятуя об этой возможности, а может быть и из иных, совсем не утилитарных соображений провинциалы старались максимально уплотнить связи с представителями "материнской" школы, своими учителями, однокашниками и пр. Это не только обычные знаки внимания, но и более или менее регулярные поездки на конференции и семинары "в центр", участие в коллективных монографиях и сборниках и т.д. Важно и то, что столичный знакомец, точнее, его наличие и возможность указать на это знакомство, рекомендовать к нему местного молодого ученого или будущего докторанта были важным ресурсом, повышающим "акции" местного ученого в местном же сообществе.

Поскольку здесь дорожка была "натоптана", для провинциала, готового влиться в братство советских ученых, возникало меньше подводных камней и неприятных эксцессов. Он знал, как необходимо себя вести со столичными "знаменитостями". Они же знали свои права и обязанности в отношении нового (или старого) адепта. Представители иных "материнских" школ постепенно вливались в этот процесс через систему целевых аспирантур, докторантур и т.д.

Если же жесткой ориентации на тот или иной столичный центр не выходило, то местная школа просто не возникала. Движение в центр и к центрам сохранялось. Однако осуществлялось каждым конкретным ученым на свой страх и риск, имело гораздо меньшие шансы на успех. В таких вузах "общим языком" выступал в эти годы ортодоксальный марксизм и "прикладная" (привластная) социология.

Подобное существование "на вторых ролях" было обычным и рутинным. Оно не вызывало ни негатива, ни депривации. Настоящая наука делалась в центрах (столицах, нескольких мегаполисах с сильными университетами). Эта наука, кроме всего прочего, получала определенную идеологическую санкцию, статус "подлинной", обладала очевидными институциональными преимуществами (советы, журналы, аспирантура и докторантура и многое другое). Иерархически организо-

¹ Постоянным читателям нашего журнала хабаровский профессор Леонид Бляхер знаком по интервью с ним, опубликованном в "Телескопа" 2014, №5. Основой настоящей статьи является предисловие Л. Бляхера к книге "Молодая социология Дальнего Востока", содержащей интервью с дальневосточными социологами, проведенные Б. Докторовым в 2014 году. Эта книга выпускается в рамках подготовки к V Всероссийскому социологическому конгрессу, который состоится в Екатеринбурге в 2016 году.

² Под "новыми центрами" мы понимаем сообщества ученых, сложившиеся в постсоветский период. Наименование это мы вводим для отличия их от вполне оформленных и уважаемых структур (Свердловск, Новосибирск, Казань и т.д.), чье становление происходило намного раньше.

³ Радаев В. Есть ли шанс создать национальную теорию в социальных науках // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 202-214

⁴ Бляхер Л.Е. Парадоксы провинциальной социологии. Записки провинциала // Социологическое обозрение, 2001, Том 1, № 1. С. 68 -79.

ванная наука⁵, во всяком случае, гуманитарная и обществоведческая легитимизировала себя за счет принадлежности к "передовому учению марксизма-ленинизма". Причем, столичные центры, естественно, были более "марксистскими", глубже проникнувшими в смысл тайного учения, чем провинциальные. С помощью этих классиков, аргіогі признававшихся лучшими и истинными, выстраивались границы между правильным советским обществоведением и всеми остальными его вариантами, отношения с которыми были достаточно сложными.

Изоляция "национальной" науки в СССР была далеко не абсолютной. Какая-то коммуникация, хотя, конечно, далеко не прямая осуществлялась, а идеи в виде критики буржуазной философии и социологии проникали в страну, входили в обиход исследователей. "Марксизм-ленинизм" в его позднесоветском облике выполнял функции фильтра, через которые внешние идеи пропускались с целью отбора допустимых. Почерпнутые из "западных" текстов идеи обрамлялись цитатами из классиков марксизма-ленинизма, ссылками на решения партийных съездов и пленумов, придавалась легитимная для советского знания форма. Тем не менее, сами идеи (подходы, методы) начинали циркулировать в пространстве советской науки. Возникали целые организации, осуществляющие такую переброску научных идей через границу и фильтрацию оных идей. ИНИОН был, пожалуй, лучшим, но не единственным образцом подобной организации. Тем же по мере сил занимались в институтах философии и социологии, в институте международного рабочего движения и т.д.⁶

Впрочем, по мере разрушения монополии марксизма-ленинизма на истину, способ взаимодействия с внешними идеями менялся. Из объекта разобщения они постепенно превращались в нечто, вызывающее пристальный интерес, а их интерпретация с целью включения в господствующий дискурс, их "примирение" с коммунистической идеологией⁷ стали вполне актуальной научной задачей. Постепенно, особенно после 1985-го года, возникали и иные каналы коммуникации с "внешним миром" (зарубежные стажировки, приезд иностранных ученых и т.д.). Однако это, в основном, касалось только столичной науки. Той науки, которая формировала дискурс, распространявшийся на все обществоведение СССР, задававшая формы контакта с обществом и властью.

На периферии существовала лишь возможность действовать в рамках заданной традиции, по мере сил поддерживать и пропагандировать ее. Для иного не доставало информационного уровня, той же институциональной поддержки. То есть, провинциальному автору для создания работы с тем же уровнем информационного обеспечения и того же уровня публичной презентации приходилось затрачивать существенно больше усилий. Важно и то, что авторы-представители отдаленных университетов или исследовательских центров, как правило, работали в рамках концептуальных схем и проблематики, которая была актуальной некоторое время назад, говорили на устаревшем научном языке. Соответственно, их работы просто существенно реже попадали в центр обсуждения, становились значимыми научными явлениями. Исключения были возможны, когда автор входил в науку с качественно новой проблематикой или включался в только что сформированное направление. Здесь вполне показательна научная судьба С.Г. Кордонского⁸, впрочем, старательно дистанцированная от науки, как таковой.

Если же, вопреки условиям и узусу, нечто оригинальное по-

являлось (и признавалось оригинальным) вне признанных центров, то оно, чаще всего, перемещалось в центр вместе со своим носителем. Поскольку каждый центр имел многочисленные "выселки", то возникали и некоторые горизонтальные связи помимо связей "центр — периферия", задавая контуры единого смыслового пространства, структурируемого из тех самых нескольких центров в стране. В результате формировалась иерархически организованная национальная наука с вполне конкретными формами финансирования, презентации результатов и каналами восходящей мобильности. Кроме отношения "столица — провинция" возникало и различие по типу организации, в которой трудились ученые-обществоведы.

Основное финансирование науки шло по линии академии наук. Там вырастали новые концепции и новые "звезды", выпускались книги, имелся допуск к зарубежным источникам, архивам. Здесь существовала вполне понятная должностная иерархия: от младшего научного сотрудника до академика, иерархия самих институтов и отделений. Здесь заказчиком выступало государство. Но заказчиком опосредованным. Государство, строго говоря, "заказывало" социологии "научное сопровождение" идеологической работы. Технология же этого сопровождения в значительной степени оставалась на усмотрение самих ученых. Определенный уровень академических свобод имел место, а границы дозволенного были вполне осознаваемыми и при минимальной гибкости конкретным исследованиям не препятствовали. Может быть, в том числе и поэтому фундаментальность конкретных социологических исследований и в более поздний период была существенно выше, чем теоретических работ.

Несколько ниже по статусу стояли обществоведы вузов, преподаватели кафедр философии, научного коммунизма и т.д. Они были, скорее, трансляторы и интерпретаторы идей и концепций, рожденных в академических институтах. Им "заказывали" воспитание новых поколений строителей коммунизма и идеологов одного строительства. Их контакты с властью были плотнее, как и контроль над их деятельностью. Понятно, что из правила всегда есть исключения. Примером такого исключения можно считать Новосибирский госуниверситет, предполагавшийся в качестве центра наукограда, или МГИМО (по совершенно иным причинам). Здесь тоже существовала вполне понятная иерархия должностей (от ассистента до профессора) и иерархия вузов.

Отдельная категория обществоведов располагалась непосредственно при власти, в структуре аппарата партийного или советского органа. Правда, чаще это были специалисты в области народного хозяйства, но с 60-х годов социологи тоже получили свое местечко. Сложилась традиция освящать очередное властное решение социологическим опросом, демонстрирующим его верность или, в зависимости от характера решения, "вскрывающим проблему". Корректность исследования даже на уровне соблюдения правил статистики (выборка, погрешность, доверительный интервал и т.д.) ценностью не являлась. Ценностью выступало "знание жизни", в том числе знание механизма работы государственного аппарата, и соответствие результатов ожиданиям властного заказчика. При всем том, что подобные исследования были вполне ангажированными и не вполне научными, именно они воспитывали будущих эмпириков, поставляли материал. Более того, именно из числа этих привластных социологов выходили авторы первых полноценных эмпирических исследований. Впрочем, там же вырастали

⁵ Димке Д. Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии // Социс. 2012. № 6. С. 97-106.

⁶ Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк/ Серия "Критика буржуазной идеологии и ревизионизма" — М.: Международные отношения, 1985.

⁷ Давыдов Ю. Н., Гайденко П. П. "Буржуазная социология на исходе XX века". — М., 1986.

⁸ Шевченко О. Симон Кордонский — фрондирующий апологет российского режима http://espresso.tv/blogs/2014/08/15/symon_kordon-skiy__frondyruyushchy_apolohet_rossyskoho_rezhyma

будущие политехнологии и телекомментаторы, в какой-то момент совершившие рейдерский захват социологии. Все эти группы, различающиеся по уровню свободы и информированности, по близости и доступности эмпирического материала, близости к власти и т.д., тем не менее, интегрировались за счет наличия общих для всего обществоведения структур: журналов, диссертационных советов и аспирантур, системы ученых степеней и званий, системы престижа.

Вполне понятно, что система не была статичной. По мере размывания идеологии сложнее становились и отношения внутри сообщества, больше стремление войти в плотный контакт с коллегами за "железным занавесом". Что принципиально важно, сильнее обозначаются различия в самом обществе, а значит — более очевидным становится и объект приложения социологических усилий. Собственно, именно это и дало толчок к становлению позднесоветских и первых постсоветских социологических школ. Латентно существующие различия в обществе становятся зримыми и фиксируемыми⁹.

Однако, процессы эти затрагивали, в основном, крупнейшие научные центры, доносясь до провинции лишь в виде "шумов", мешающих вполне ясной картине. Особенно долго эта ясная картина сохранялась на Дальнем Востоке. Специфика региона состояла в его основной сфере занятости — военной. Почти 2/3 трудоспособного населения¹⁰ были заняты или непосредственно в вооруженных силах, или в работе на предприятиях ВПК. За исключением ряда институтов ДВО АН СССР, социология (скорее, протосоциология) существовала в вузах на кафедрах научного коммунизма или марксистско-ленинской философии. В рамках вполне ортодоксального марксизма преподаватели научного коммунизма получали какое-то представление об эмпирических методах исследования общества, о категориях, способных это общество хоть как-то описать. Преподаватели исторического материализма в той или иной форме получали навыки рефлексии над социальной реальностью. В институтах ДВО эмпирические методы социологии использовали экономисты и, изредка, историки. Социология выступала здесь как terra nullius, где может порезвиться представитель любой дисциплины. Собственные задачи в этот период у социологии в регионе отсутствовали. Чаще говорилось об экономическом стимулировании, решении социально-экономических задач¹¹.

Сами специалисты в минимальной степени воспроизводились "на месте", но прибывали по распределению из крупных вузов страны. Причина проста: в "военном" регионе готовили в массе своей технических специалистов для работы на военных же заводах. Остальные специалисты (за исключением учителей и врачей) готовились совсем не в массовом порядке. Их, как и продовольствие для региона, дешевле было завозить. Достаточно массовыми были выпускники московского, харьковского, казанского, новосибирского, ленинградского и многих других университетов.

Существовал институт "приглашенных специалистов". Такой специалист приезжал на оговоренный период в Хабаровск или Владивосток с сохранением квартиры на прежнем месте жительства и льгот на новом. Вполне понятно, что всерьез говорить о школах в этом варианте формирования обществоведения было довольно сложно. Каждый конкретный специалист, если, в принципе, продолжал после получения степени заниматься наукой (далеко не всегда), ориентировался на "свой" внешний университет, его язык, его проблематику. Внутренняя

профессиональная коммуникация, как таковая, отсутствовала. Ее вполне заменяла официальная идеология и бытовое общение. Ведь наука делалась за пределами региона. Впрочем, формальные статусы, наличие связей и т.д. определяли место данного ученого в местной иерархии. Несоответствие статуса и уровня публикаций могло стать трагедией. "Известного ученого", имеющего столичных публикаций больше, чем более уважаемые коллеги, при этом, не соблюдающего "приличий", предписанных статусом, скажем, доцента или научного сотрудника, могли и "заткнуть".

Период 90-х годов радикально изменил эту, достаточно стабильную ситуацию. Сокращается число Всероссийских конференций, точнее, возможностей оплаты участия в них. Распадается система Всероссийского распределения. Соответственно, в регионы начинает пребывать намного меньше адептов центральных школ. "Приглашенные специалисты", пожалев плечами и продав выделенные квартиры, отбыли на прежнее место жительства. Новые на смену не прибыли. Постепенно преподавательские позиции и позиции научных сотрудников заполняются местными кадрами, для которых реальность столичных (и иных) школ становится все более эфемерной. О ней узнают из рассказов "старших товарищей", из книг и журнальных статей, рекомендованных ими же. Формируется некий, достаточно идеализированный образ "прекрасного прошлого". Впрочем, и журналов поступает в университетские библиотеки (по крайней мере, до середины 90-х) все меньше. Постепенно распадается и система "целевой аспирантуры". Точнее, она оказывается разорванной материально-финансовым положением вузов и НИИ. Особенно остро эти изменения переживают НИИ, бывшие главными научными бенефициарами советской власти. Распад коммуникации здесь совпадает со снижением общего статуса Академии наук. Впрочем, часть институтов смогла обрести новых заказчиков в лице региональных или муниципальных руководителей, существенно потеснив прежних социологов и экономистов при власти¹². Впрочем, вузам было не легче.

Командировка за счет вуза в центр становится явлением почти мифическим, а обучение и проживание в столичном городе превращается в тяжкий финансовый груз для соискателя ученой степени. При не особенно большой разнице в зарплате между старшим преподавателем со степенью и без нее и появлением возможностей для получения неформальных доходов и частных заказов мотивация к столичному обучению снижается. Поскольку требование наличия ученой степени у определенного процента работников сохраняется, постепенно формируются местные аспирантуры, докторантуры, диссертационные советы.

Не то, чтобы в прежнее время кто-то запрещал их создавать. Ситуация выглядела иначе. Поскольку настоящая наука существует только в центре (том или ином), человек в статусе доктора наук стремился не столько создать совет "на месте", сколько сам выбраться в центр. Если же доктор наук по каким-то причинам предпочитал оставаться на месте, он мгновенно получал административную должность, что накладывало достаточно жесткие ограничения на занятия наукой. В результате, за исключением национальных республик, для создания местных советов попросту не хватало докторов. Да и статус местного диссертационного совета или аспирантуры был не в пример ниже, чем столичного, что имело вполне объективные причины. Обучение и защита в условиях местного совета не вели к

⁹ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории, Новосибирск: Наука, 1991. — С. 412.

¹⁰ Колесниченко К.Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края)//Ойкумена, № 3, 2012. — С. 116 — 125.

¹¹ Зубарев А.Е. Методические принципы решения вопросов экономического стимулирования в НПО "Дальстандарт" // Региональные особенности повышения эффективности общественного производства на Дальнем Востоке : межвуз. сб. науч. тр. / Хабар.политехн. ин-т. — Хабаровск, 1984. — С. 147-151.

¹² ДВНИ Институт рынка. Основные научно-исследовательские работы института http://www.ferim.ru/russ/main_work.html

образованию новых связей, к возможности новых публикаций, да и к увеличению символического капитала, связанного с контактами в "большой науке".

Но в условиях распада социальных связей в науке, наличие "своей" аспирантуры, "своего" совета становится вопросом выживания вуза. Да и переезд доктора, если он не принадлежал к сословию "приглашенных специалистов", становился все более сложным. Местные доктора, последние в плееде "докторов из центра" остаются на месте и, как замену возможности "послать в аспирантуру" или "защитаться" начинают создавать местные советы. Это становится основой их символического капитала. Число диссертационных советов начинает существенно и резко увеличиваться. Наличие собственных советов и аспирантуры становится неотъемлемым атрибутом настоящего университета уже ко второй половине 90-х годов. Структура замыкается. Выпускники местного университета поступают в местную аспирантуру. Защищают диссертации и сами начинают воспроизводить научную структуру. При этом, проблематика научных исследований здесь может быть достаточно различной. В рамках этого центра могут продолжаться исследования, основы которых были заложены в советские годы, но преобразованные в "свете новых задач". Могут быть исследования "общественно значимых проблем". Если первые были сопряжены с определенной теоретической рефлексией, то вторые вполне удовлетворялись актуальностью темы.

Важно отметить, что тон здесь задавали "старшие товарищи", стремящиеся воспроизвести в новых условиях традиции "настоящей науки", как они ее понимали. Именно они, создавая и регулируя деятельность советов, роль ВАК в тот период было не особенно значительной, определяли формы и тематизмы научной деятельности. Дальнейшее развитие этих локальных групп зависело от многих факторов, в частности от взаимоотношений, выстраиваемых с внешним миром и местным сообществом. Характер этих взаимоотношений зависел от нескольких факторов. Первый из них — наличие взаимодействия с "грантовой наукой".

Ведь параллельно начинается и интенсифицируется на протяжении всех 90-х годов развитие нового для России типа науки, исследований, поддерживаемых зарубежными научными фондами, ориентированных на "западное" (мировое) научное сообщество. Поскольку именно с помощью этих фондов оказывалось возможным проведение полевых исследований, участие в конференциях и школах, да и стипендия, предлагаемая фондами, в какой-то момент стала выше, чем зарплата преподавателя, значительная часть молодых исследователей, да и научного истеблишмента устремляется в эту нишу. Если в западной части страны этот процесс начался в первой половине 90-х годов, то дальневосточная окраина приступила к процессу вхождения в грантовую науку гораздо менее массово и несколько позднее, во второй половине 90-х.

Эта наука отличалась не только тем, что за нее впервые платило не государство. Она предполагала другие технологии получения заказа, другие методы и подходы, другую систему отчетности. Они, в целом, были не менее жесткими, чем правила советской науки, но они были другими, что создавало ощущение невероятной свободы, вхождения в новый яркий и пестрый мир. Причем, на первых порах казалось, что мир этот распахнут им навстречу. Лишь к концу 90-х годов становится понятно, что вхождение в "западную" науку процесс сложный, содержащий в себе массу издержек, преодолеть которые под силу единицам. Российские "западные ученые" оказыва-

лись в положении, чем-то напоминающем положение прежних провинциалов, прибывших в столичный центр по непротопанной дорожке и без рекомендаций. Впрочем, их массовое возвращение в конце 90-х стало значимым событием для отечественной социологии в целом. Их попытка внедрения мировых критериев в оценку научной деятельности в стране и привела в рамках бюрократической логики к появлению "отчетных параметров", индексов и прочих, достаточно косвенных показателей качества исследования.

Если в начале 90-х годов в "грантовую" науку устремились в основном представители крупнейших научных центров (больше информации, выше уровень публикаций и вознаграждения, возможности для "научного туризма"¹³), то к середине последнего десятилетия XX века туда устремились представители регионов. При этом, и первые, и вторые вынуждены были осваивать новый язык, новую систему классиков, новые подходы и способы формулирования проблемы. "Столичный приоритет" оказался поколебленным.

Ряд региональных центров формируют собственные выходы на зарубежных спонсоров и партнеров, организуют большие и серьезные исследования (Саратов — социальная политика и гендерные исследования¹⁴, Иркутск — исследования миграции и образования¹⁵ и т.д.). Многие "столичные" школы неожиданно оказываются лишь "выселками" иных центров, находящихся за пределами страны. Правда, "выселками" в ином смысле. Выпускники Кембриджа и Сорбонны не приезжали по распределению в Москву или Санкт-Петербург, не создавали там новые исследовательские центры. Точнее, в массовом порядке этого не случилось. Просто наиболее продвинутая часть столичных исследователей, порой, поездив по Европе и Америке, возвращались с осознанием вновь открывшегося священного знания, которое нужно нести в страну.

В результате столицы оказывались в положении тех самых провинциалов, коих недавно "принимали в корпорацию". И вполне в той же логике начинается процесс отправки талантливых учеников в далекие центры. Тем более, что стипендии для обучения в западных вузах в тот период выделяются достаточно активно. Происходит интенсивная миграция, прежде всего, молодых ученых из России. Правда, параллельно идет процесс миграции из периферии в центр, поскольку возникают ощутимые лакуны, да и структуры, способствующие такой миграции (Европейский Университет в Санкт-Петербурге, МВШСЭН в Москве, ЦЕУ в Братиславе и т.д.). Возникало новое смысловое и организационное поле науки, ориентированное на интеграцию в мировое научное пространство. Впрочем, интеграцию специфическую. Теории здесь не приветствовались. Причина понятна — внешние акторы, да еще и теоретики, для сложившихся школ не особенно нужны. Новые участники мировой науки выступали поставщиками фактографии для теоретиков. В лучшем случае, определенным образом концептуализированной фактографии. Возможно, со временем появились бы и теоретики, создающие продукт мирового уровня. Но внешние по отношению к науке факторы сложились иначе.

Отечественные школы, не вошедшие в этот поток, не столь важно провинциальные или столичные локализовались, их значение снижалось. Даже, если ресурс советских времен здесь был значительным, он постепенно сокращался. Так, к концу 90-х годов существенно снизился престиж социологии МГУ, несмотря на гигантский задел советских лет и активную государственную поддержку. Если же этот ресурс был не особенно большим, то возникала еще одна провинциальная (столичная

¹³ Термин автор услышал в ходе беседы с замечательным омским ученым А.В. Ремневым, автором самых фундаментальных исследований об имперском Дальнем Востоке.

¹⁴ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.

¹⁵ Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. — Иркутск: Оттикс, 2011. — 624 с.

в географическом отношении) школа. Впрочем, у них тоже оставался набор эффективных стратегий развития. Для крупных научных центров — это была возможность спонсорства со стороны государственных структур и отечественных олигархов, которые после 1998-го года ощутили вкус к спонсорству. По этому пути в конце 90-х годов пошел РГГУ и, отчасти, новый вуз — ВШЭ (У). Впрочем, ВШЭ активно использовала и грантовую поддержку, и особый государственный статус.

Ставка на особые отношения с властью впоследствии оказалась важнейшим ресурсом научного или образовательного центра. Из числа выпускников и сотрудников этих вузов рекрутировались сотрудники государственных аналитических структур, эксперты, ответственные чиновники и т.д. Они же замещали высшие должности в формальной структуре отечественной науки. В последствии, именно эти центры получали основную массу заказов на исследования за счет бюджета. Причем, далеко не только ангажированных¹⁶.

Для менее значимых, не столичных центров таким ресурсом было вхождение в местное сообщество. В этом сообществе была своя власть и свои олигархи, способные оказывать ту или иную поддержку, рекрутировать во властные структуры выпускников и сотрудников, максимально использовать ресурсы, предоставляемые "образовательным бумом" 90-х годов. Скажем, в Тихоокеанском госуниверситете именно доходы от "образовательного бума" позволили провести компьютеризацию вуза, создать современную библиотеку.

Советские практики здесь тоже оставались актуальными. Серьезная школа старалась и должна была в соответствие со статусом проводить конференции, где были бы представлены не только "подведомственные" вузы, но и несколько столичных звезд и, в идеале, зарубежных гостей. Однако и "звезды", и гости строго отбирались. Ведь они могли разрушить самое важное — внутреннюю иерархию сообщества, принятое в нем распределение ресурсов. Выступление "звезды или гостя" могло опровергнуть выступление местного классика. Бестактный "гость" мог начать задавать неудобные вопросы классику. Еще хуже, если заезжая "звезда" предлагала сотрудничество не правильному "главе", а вполне подчиненному сотруднику, тем самым предоставляя в его руки некий внешний ресурс. Такое грубое поведение приезжего могло просто разрушить установившиеся социальные связи в сообществе. Потому и отбирались правильные гости, готовые следовать местным нормам приличия.

Таким образом, в 90-е годы региональное сообщество структурировалось по нескольким параметрам. Первый параметр: открытость сообщества. Региональное сообщество могло полностью переориентироваться на вхождение в мировую науку, стараться быть "в курсе" ее трендов, заводить и поддерживать контакты с разными партнерами. Такое сообщество мы и называем открытым. Яркий пример такого сообщества — Европейский университет в Санкт-Петербурге в период до получения им государственной аккредитации. При всех различиях между методологическими установками и научной ориентацией социологов ЕУСПб, образ "настоящего западного университета" и наличие общей площадки приводил к необходимости коммуникации. Коммуникация порождала серьезную рефлексию, отражавшуюся в ярких работах. Впрочем, открытым могло оказаться и региональное сообщество без какого-либо внутреннего строения. Этим и объяснялась его всеядность. Приезжие просто не могли ничего разрушить в силу отсутствия чего-либо. Теоретически, в этом варианте тоже вполне могло сложиться интересный научный феномен. Но для этого был необходим сильный лидер и ресурсы для поддержания внешних связей. К сожалению, в области социологии такие случаи автору не известны. Но возможен и иной сценарий.

Региональное сообщество вполне могло сохранить в той

или иной форме связь с "материнской" школой или сформировать новый контакт с каким-либо крупным научным центром, находящимся в стране или за рубежом. В этом случае открытость присутствовала, но определялась не самим региональным центром, а открытостью того контрагента, на которого ориентировались региональные исследователи. Такое сообщество уместно назвать полуоткрытым. Эта стратегия могла быть вполне успешной. Именно она породила российско-французские, российско-немецкие и тому подобные исследовательские центры по стране. Правда, под "российским" понимался вполне конкретный университет, как и под термином "французский". Эта тенденция к полуоткрытости породила многочисленные ассоциации социологов, в определенной степени институционализировавшие советские неформальные контакты центра и периферии. Успешность такой стратегии (а она вполне могла оказаться успешной) зависела от влиятельности "второй стороны". Но если такая связь прерывалась, то сообщество деградировало.

Возможен был и третий вариант. Региональная (провинциальная) социология в советский период была вполне "прикладной" дисциплиной, обслуживающей ту или иную властную структуру. Эта функция в период активных электоральных компаний или для легитимизации решения региональных властей оказалась востребованной. Понятно, что это была не вполне наука. Но именно здесь возникали массивы данных, которые могли быть введены в научный оборот, те или иные подходы к сбору эмпирического материала. Заказчики здесь разные: государственные органы, политические партии и отдельные акторы региональной политики. Такую, жестко замкнутую на местное сообщество науку мы обозначили термином "закрытое сообщество". Внешние связи ему были просто не особенно нужны. Конечно, и здесь закрытость была не абсолютной. Сама потребность в таких заказах детерминировалась представлением заказчиков о ценности научного (экспертного) знания. Соответственно, статус ученого и эксперта необходимо поддерживать. Для этого необходимы публикации, приглашение внешних специалистов, получение научной степени.

Если в мегаполисах престиж степени среди политтехнологов и их заказчиков в 90-е был не особенно велик, то в менее крупных городах уважение к ученому человеку сохранялось. Однако уважение это носило, скорее, ритуальный характер. Ритуальными же были действия этих ученых во внешнем мире: защита, публикация в центральном издании (лучше платная), участие в большом мероприятии и т.д. Стоит отметить, что большая часть этих "прикладных социологов" были вузовскими преподавателями. А в вузах какая-то научная активность оставалась обязательной. По мере становления "вертикали власти" число заказчиков уменьшалось. Тем не менее, эта "наука" на протяжении всех 90-х годов, да и позже оставалась вполне функциональной.

Здесь мы подходим ко второму основанию для типологизации: источнику финансирования. В данном случае, это не случайный критерий. Разные источники финансирования, строго говоря, предполагали разную науку, исходя из банального принципа: "кто девушку платит, тот ее и танцует". Государственное финансирование (РНФ, РФФИ, бюджетное финансирование) предполагало добрые традиции советской науки, которая, безусловно, лучшая в мире. Это направление в большей или меньшей степени использовалось всеми. Однако основным оно было для структур, с минимальной связью с внешним миром, с максимальной закрытостью.

Альтернативой здесь было "тратить на науку из своего кармана", что для большей части известных автору людей представляло собой крайне нежелательное явление. На него шли (публикация, организация обсуждения и защиты и т.д.), но ста-

¹⁶ Пилинская Э.Б. Формирование системы критериев для определения нуждающихся в государственной социальной помощи и совершенствование механизма ее предоставления <http://www.hse.ru/org/projects/25013>

рались избежать. Ведь наука здесь — явление ритуальное, важное для поддержания статуса в глазах настоящего заказчика — государственного органа, торгового предприятия или политического игрока. Достоинством этих фондов было и то обстоятельство, что ни какой-либо четкой методологии или тематики они не задавали. Получение/неполучение гранта было связано с внешними по отношению к заявке формальными параметрами или некими представлениями о географической справедливости, существовавшими у экспертов или грантодателей. Понятно, что продолжали существовать вузы, где научная деятельность даже как имитация отсутствовала. А публикационная активность ограничивалась методическими рекомендациями и учебными пособиями. Эти структуры просто находятся за рамками нашего рассмотрения.

Грантовое финансирование, осуществляемое международными научными фондами, при всем том, что уровень исследований был очень различным, существенно отличалось по тематике от советской науки в ее мейстримных формах. Оно задавало иную моду на ключевых авторов, методы сбора информации, ее анализа. В принципе, рефлексия по поводу методов стала одним из признаков "новой науки". Как правило, здесь подвизались представители открытых и полукрытых сообществ.

Различались и места публикаций. Для представителей "традиционной" социологии ими оставались монографии и немногочисленные журналы предшествующего периода. Впрочем, монографии, в основном, издавались на средства авторов, а журналы выходили крайне нерегулярно. Впрочем, это положение к концу 90-х годов сменилось на невероятное разнообразие журналов, издаваемых едва ли не каждым вузом при минимальных требованиях к уровню публикаций. Для представителей "новой науки" выстраивалась иерархия изданий, в целом, соответствующая "мировым критериям". Журналы-мировые лидеры, доступ в которые получают единицы, просто зарубежные издания из значимых центров, ряд отечественных изданий, появившихся в 90-е годы и ориентированных на "новую" науку¹⁷.

Как говорилось выше, в реальную мировую науку смогли интегрироваться единицы. Это было, скорее, сочетанием уникальных факторов биографии, нежели закономерностью. Не особенно много авторов смогло даже быть услышанными своими зарубежными коллегами, т.е. выйти за уровень поставщика эмпирического материала о России. В результате, полноценная профессиональная коммуникация при подобном варианте финансирования и открытости осуществлялась между особой группой "русских европейцев" в социологии, чья европейская известность ограничивалась этой группой. Кстати, именно ее представления о ранге публикаций, как основном показателе успешности исследователя (наукометрический критерий) легли в основу современного бюрократического давления на науку.

Совершенно особое место заняли центры и отдельные персонажи, ориентированные на обслуживание местного избирательного процесса, региональных и местных государственных структур, отдельных политиков, частных структур и т.д. Здесь источником финансирования была внешняя по отношению к науке структура (государственная, частная, партийная). Да и задачи ставились не вполне научные. Строго говоря, именно

они вполне соответствовали первой социологической специальности, открытой в СССР — прикладная социология. Но хотя научные задачи здесь ставились не часто, но все же ставились, хотя бы с ритуальными целями. Более того, время от времени адепты этого направления начинали обобщать опыт во вполне себе научных формах, обретать ученые степени и звания, да еще и преподавать на многочисленных отделениях "связей с общественностью", "рекламы" и т.п. модных специальностях. При всем том, что методологическая рефлексия здесь отсутствовала за ненадобностью, собирались значительные массивы данных, которые позже, через публикации, попадали в научный оборот. Кроме всего прочего, существовала некоторая совокупность журналов, скорее публицистических, чем научных¹⁸, где подобные "политологи (социологи)" активно присутствовали.

Из этих двух параметров вполне вытекал третий — направление методологических поисков. Первая группа (закрытые или полукрытые сообщества, ориентированные на традиционную поддержку государства или внешнее по отношению к науке финансирование), как правило, меделировали тему знания "почвы", настоящей жизни и т.д. Методологическая рефлексия¹⁹ здесь часто имела место, но достаточно специфическая. Как правило, из "подручных материалов", составленных из осколков советского марксизма, русской философской публицистики Серебряного века, каких-то положений функционализма и тому подобных острых и современных концепций формировалась исследовательская рамка, позволяющая доказать особость и абсолютную непохожесть региона или всей страны. Собственно, задача вытекала из некогда сформулированной проблематики советской социологии. Но обострялась необходимостью обходиться без советского идеологического и концептуального наследия.

Проблема в том, что такая "абсолютно непохожая" реальность лишается возможности быть понятой. Для этого нужна некоторая категориальная сетка, которую можно было бы "набросить" на всякую реальность, сравнив "особую" с "не особой" реальностью. Но из подручных материалов такая сетка выстраивается плохо. В результате, исследователи обречены множить знания о "почве" без обобщения и систематизации. Ведется бесконечный поиск некоего сущего, которое, конечно, есть, но не имеет определений.

Это не особенно препятствовало проведению прикладных эмпирических исследований. Когда же возникала потребность в какой-то категоризации, хотя бы для составления анкет, использовались "категории" официального политического дискурса, общественно-политической публицистики и т.д. Складывалась совершенно уникальная ситуация, когда наука, которая по логике вещей должна поставлять категории для осмысления реальности для публицистики, сама их заимствует из нее. Зато в обмен поставляет ей "проценты", распределение ее категорий. Отсюда "теоретический спор" о 84% россиян "поддерживающих санкции"²⁰.

Вторая группа, которую А. Богатуров назвал "поколением переводчиков"²¹, методологическим исканиям посвящала гораздо больше времени и усилий. Мы определили эту группу, как открытое или полукрытое, ориентированное на международное финансирование и международные научные контакты сообщество. Здесь задача стояла иначе. Поскольку та или иная

¹⁷ Например, журнал "Мониторинг общественного мнения", издаваемый ВЦИОМ Ю.А. Левады.

¹⁸ Например, журнал "Политический маркетинг".

¹⁹ Завалишин А.Ю. Социокультурные аспекты этнической ксенофобии и экстремизма // ДИХИ — 2013: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов: вып. 4 / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. - Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. — С. 103 — 121 с.

²⁰ Райбман Н. ВЦИОМ: 84% россиян одобряют эмбарго на импорт продуктов <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/08/22/vciom-84-rossiyan-odobryayut-embargo-na-import-produktov>

²¹ Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Proetcontra. — Том 5. № 1. Зима 2000. — С. 195 — 201.

школа и ее методологическая рамка становилась несомненной классикой и обязательным для использования препаратом, то вопрос ставился, в основном, как вопрос об освоении препарата и правильном его применении.

Рефлексия распространялась часто на технические средства исследования: опрос или интервью, технология обработки, набор переменных и т.д. То, что эти переменные сами есть результат сложнейшей рефлексии, в 90-е не воспринималось. Рефлексия уже осуществлена, а теория уже создана. Теперь важно эту теорию приложить. Если в больших центрах, так или иначе, появлялись оригинальные концепции и работы²², то вторичность провинциальных исследований, ориентированных на "мировую науку" была достаточно очевидна.

Исследования гендерной асимметрии и политического участия, коррупции и национализм — все эти категории обладали вполне определенным смыслом и в переопределении, во всяком случае, в нашем варианте, не нуждались. Тем самым, шел упорный поиск и попытка описания отсутствующей реальности. Иными словами, в первом случае, описывалась реальность, но языком, который не дотягивал до метанарратива, не подходил для обобщающего описания как такового. Во втором варианте, вполне рабочий и структурированный язык описания прикладывается к "почве", без привязки к местности. Точнее, с привязкой к иной местности²³.

Однако, по мере формирования более или менее устойчивого сообщества "русских европейцев", где сталкивались разные классики, напряженность методологических споров нарастала. Она вполне могла привести к появлению новых и оригинальных концепций. Но не привела. История социологии, в том числе провинциальной социологии, делает резкий кульбит.

В новом столетии постепенно из российского пространства начинают выдавливаются международные научные фонды, осложняются контакты с зарубежными партнерами. Резко сокращается число независимых заказчиков, как хозяйствующих субъектов, так и политических акторов. По существу, единственным или почти единственным заказчиком исследований остается государство и аффилированные с ним компании и фонды. Они же оказываются главными потребителями и контролерами социологической работы. Это, вполне внешнее обстоятельство радикально меняет ситуацию в стране в целом и в отдаленном городе Хабаровске, в частности.

Что же происходило с социологией в городе, именуемом себя седьмой столицей России? Была ли там она? Институционально, как и в любом губернском центре, в Хабаровске социология наличествовала. Прикладных социологов для региональных властей готовили в Дальневосточной академии государственной службы (прежде Высшая партийная школа, ныне филиал РАНХиГС). Эти социологи продолжают исследовать общественное мнение и демонстрировать растущее доверие населения или вскрывать общественные язвы наркомании, экстремизма и национализма²⁴.

В конце 80-х — начале 90-х годов появляются социологи в вузах. Чаще всего, ими становились преподаватели бывших кафедр научного коммунизма, преобразованных в кафедры социологии и политологии. Ведь именно выпускники этих факультетов и специальностей получали некоторую социологическую подготовку, были ориентированы на исследование общества, пусть, часто, имитационное. В силу наличия обязательного губернского (краевого) набора вузов социологов оказа-

лось совсем не мало. Социологические (эмпирические) исследования проводились и в академическом институте (Институт экономических исследований ДВО РАН).

Большая часть городских социологов ориентировалась на СПбГУ (ЛГУ) даже, если сами были выпускниками иных университетов. Именно там для хабаровчан дорожка "была протоптана". Там защищались диссертации. Туда же отбывали немногочисленные счастливицы. Впрочем, ДВАГС традиционно сохранял ориентацию на свою головную структуру (РАГС). Иными словами, ситуация была близка к советской. Есть центр и ориентирующаяся на него периферия. Коммуникация, во всяком случае, профессиональная была крайне слабой. В ней просто не было нужды. Основной доход давало преподавание и, несколько позже, обслуживание электорального процесса, маркетинговые исследования. Свой финансовый ручеек каждый берег для себя, а потому совсем не жаждал делиться информацией и результатами.

Но по мере распада связей структура усложнялась. Часть членов сообщества просто покидает регион. Часть переориентируется на общественную деятельность, организует НКО, в великом множестве возникающих в 90-е годы. Часть входит в "грантовую науку", начинает стремительно перемещаться по миру, не особенно интересуясь событиями "дома". При этом, какие-то контакты с "материнской школой" сохранялись на протяжении всего периода. По большей части, Хабаровское сообщество социологов можно отнести к открытому типу. Но открытость его была связана с отсутствием внутренней структуры и иерархии²⁵.

Однако, по мере того, как вузы начинали обрастать атрибутами "настоящих университетов" (аспирантуры, советы, журналы) появляется предмет если не для профессиональной научной, то для административной коммуникации. Первоначально лидировал более активный Владивосток. Здесь изначально гуманитаристика и обществоведение было сильнее, существовала неформальная коммуникация между учеными. Здесь возникли первые советы, куда поехали хабаровчане. Ведь это качественно дешевле поездки в Петербург. А разница между столичным и местным почти перестает быть значимой. Позже, с 2001-го года начинает работать совет в Хабаровске (председатель И.Ф. Ярулин). Возникают относительно устойчивые региональные связи (Хабаровск, Владивосток, Иркутск, Петропавловск-Камчатский, Комсомольск-на-Амуре и т.д.). В 2005-м году начинает выходить журнал "Вестник ТОГУ", получивший статус "рекомендованного ВАК РФ". Укрепляется повседневная коммуникация между социологами в самом Хабаровске. Ведь число "финансовых ручейков" сокращается, значит — усиливается борьба за них, плотность коммуникации, не всегда дружественной.

На первом этапе профессиональная коммуникация оставалась минимальной (разные цели, ориентация на разный язык, разную аудиторию). Люди решали формальную проблему обретения статуса, инициации своих учеников и т.д. Строго говоря, все упомянутое выше структуры и институции и не создавались в качестве площадок для решения научных задач. Аспирантура нужна, чтобы подготовить (подготовиться) к защите, диссертационный совет нужен, чтобы повысить показатель сотрудников с учеными степенями, а журнал, как и большая часть научных журналов в России, появляется в прямой связи с требованиями ВАК о публикации в "рекомендуемых изданиях".

Но по мере того, как число международных научных фон-

²² Можно вспомнить "силовое предпринимательство" В. Волкова или "русскую систему" Ю. Пивоварова.

²³ Об этом см. Бляхер Л.Е. Парадоксы региональной политологии (Записки провинциала)// Полис. Политические исследования. 2001. № 6.

²⁴ Дальневосточный институт управления. Отдел организации и координации научных исследований. Наши исследования <http://www.dvags.ru/index.php?page=nau11&rc=nau>

²⁵ Впрочем, существовал общегородской неформальный титул "первого доктора" (Б.В. Смирнов, профессор ДВГУПС).

дов, работающих в стране, а также возможности для частных заказов начали резко сокращаться, а государственное финансирование образования и науки возрастать, сообщество переживает. Точнее, в него возвращаются те, кто вчера еще не особенно интересовался самим фактом его существования.

Часть "русских европейцев" с дальневосточной пропиской, интегрированных в 90-е в "грантовую" науку просто уезжает из региона или из страны, а часть, напротив, "возвращается домой". То есть, формально они никуда и не уезжали. Но жестко ориентировались на профессиональную коммуникацию за пределами региона. Теперь же распадается и сокращается в связи с массовым отъездом сообщество "русских европейцев", а столичные вузы перестают раскрывать братские объятия навстречу провинциальным собратям по разуму. Обучение в аспирантуре, докторантуре, защита в "чужом" вузе становятся для приезжего из отнюдь не прекрасного далека не просто платными. Плата оказывается непреодолимым заградительным барьером.

В результате всех этих перипетий не значимый местный (региональный) уровень коммуникации оказывается основным. Все более значимыми становятся ритуальные прежде формы взаимодействия: советы, местные семинары, конференции. И здесь методологические проблемы, противоречия между исследовательскими установками выходят на поверхность. Люди думают различно, различно ставят проблемы, по-разному собирают материал. Они, собственно, никогда не собирались работать вместе. Но так вышло.

Наверное, в таких условиях научная жизнь вполне могла окончательно превратиться в формально исполняемый ритуал. Однако наличие площадок, где коммуникация неизбежна, на-

личие многочисленных личных, экстранаучных пересечений приводит к иной стратегии. Люди стремятся договориться, хотя бы о "конвертации статусов" местных и "вернувшихся местных" исследователей. Методологические споры в явной и неявной форме продолжаются, позиции сближаются. Возникают на региональном уровне "новые" формы коммуникации: школы социологов, теоретические семинары, публичные лекции и т.д. Начинают укрепляться межрегиональные связи. Скажем, многолетний исследовательский проект в Иркутске под руководством В.И. Дятлова создал достаточно эффективную сеть без явно выделяемых центров. Очень разные исследователи от историков и демографов до социологов и специалистов по информатике в рамках этой сети получили возможность согласовать позиции. Нечто подобное происходит сегодня в Томске и Екатеринбурге. Есть основания ожидать начала этого процесса и в Хабаровске.

В результате гигантский эмпирический материал, накопленный "прикладными социологами" за десятилетия работы начинает обретать новый формат, тот, где его можно сопоставить с другим "особым регионом России", да и не России, возникает возможность "сказать регион"²⁶. Правда, все меньше остается уверенности, что это знание окажется востребованным в ближайшее время. Но времена меняются. События последних лет все больше подталкивают к мысли, что "тучные года", когда общество могло и не испытывать потребности в знании о самом себе, потребности в зеркале, заканчиваются. Впереди — период выживания. И здесь наличие "зеркала" (социологии) для общества становится сущностно необходимым. Хотя бы, чтобы, глядя в него, умыться.

²⁶ Бляхер Л.Е. Дальний Восток: искусство неуправляемой жизни. — М.: Европа, 2014.